

Милль Джон Стюарт

О подчинении женщины

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д42

Д42 **Джон Стюарт М.**
О подчинении женщины / Милль Джон Стюарт – М.: Книга по Требованию, 2024. –
320 с.

ISBN 978-5-519-96531-6

ISBN 978-5-519-96531-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

эгоистическими стремленіями защитников *statu quo*. Нѣтъ той истины, въ которой бы нельзя было убѣдить человѣка, если только эта истина не касается его ближайшихъ, насущныхъ интересовъ. Поэтому въ чисто-теоретическихъ вопросахъ, ненарушавшихъ житейскаго комфорта людей, реформы удавались легче и проводилось скорѣе. Въ наше время никто не станетъ горячиться и спорить изъ за того, населены ли, кромѣ земли, и другія планеты живыми существами или нѣтъ, — это рѣшительно все равно для каждаго изъ насъ,—но Боже мой! какая тьма антипатій, интригъ, затаенной или открытой ненависти поднимется въ душѣ всякаго самодовольнаго глупца, если ему скажутъ, что такая-то идея стремится убавить одно блюдо отъ его обѣда и лишнюю комнату отъ его жилья. Потому-то всѣ реформы, направленные противъ злоупотребленій экономическаго характера [и противъ] власти человѣка,—самыя трудныя и на долго отлагаемыя реформы. Къ этому разряду идей Милль относитъ и женскій вопросъ. Тамъ, гдѣ его значеніе понято и гдѣ за него дѣйствуетъ коллективная сила протеста, ему противопоставляютъ самыя дѣйствительныя и энергическія мѣры отпора. Въ этомъ-то противо-

дѣйстви и заключается вся сущность такъ называемой преждевременности хорошихъ идей.

Въ самомъ дѣлѣ, на основаніи какого историческаго масштаба можно измѣрять своевременность той или другой идеи? Почему, напримеръ, идея личной свободы, осуществленная уничтоженіемъ крѣпостного права, была бы преждевременной въ концѣ прошлаго столѣтія, когда надъ ней думалъ Радищевъ, и своевременной въ половинѣ настоящаго? Когда вовсе не было крѣпостного права, никто и не думалъ считать личную независимость преждевременнымъ фактомъ. Какъ будто можно оправдать какой нибудь исторической ^{ли} логикой ту печальную истину, что два съ половиною вѣка человѣческихъ страданій нужны были для того, чтобы впоследствии убѣдиться въ такомъ гнусномъ явленіи, какъ рабство. И если бы былъ предоставленъ выборъ между нимъ и свободой одному голосу здраваго смысла и совѣсти, то, нѣтъ сомнѣнія, что крѣпостное право никогда не затащило бы своей мертвой петли такъ надолго на шею нѣсколькихъ милліоновъ людей. Но не здравый смыслъ рѣшалъ его установленіе, а личная выгода тѣхъ, кому оно было нужно — и на чьей сторонѣ

была матеріальная сила. Поэтому мы убѣждены, какъ въ математической аксіомѣ, въ томъ неопровержимомъ фактѣ, что всякое дурное учрежденіе поддерживается не въ силу того, что еще не наступила пора для его уничтоженія или его дурныя послѣдствія недоступны пониманію общества, а потому, что съ нимъ связываются личные расчеты его сильнѣйшихъ сторонниковъ. Пусть намъ въ исторіи человѣческихъ страданій уважутъ хоть на одинъ такой фактъ, когда общественное зло не вызывало со стороны людей протеста—явнаго или тайнаго, и тогда мы согласимся, что есть бѣдствія, логически необходимы въ развитіи человѣчества, что каждый шагъ его къ счастію долженъ покупаться цѣлымъ рядомъ величайшихъ несчастій. Но это было бы такимъ вопіющимъ противорѣчіемъ всѣмъ законамъ природы, такой страшной насмѣшкой надъ человѣческой жизнію, что намъ, со всѣми нашими преимуществами разумнаго существа, слѣдовало бы тысячу разъ позавидовать положенію лягушки или червяка. Къ счастію, теорію этого грубаго фатализма и нелѣпой исторической постепенности придумала не природа, а своекорыстная фантазія людей, которые искусственныя, ложно-построенныя формы

жизни старается выдать за натуральныя и строго-логическія. Все доброе и разумное всегда своевременно людямъ и всегда можетъ быть осуществлено ими, еслибъ только они умѣли и могли устранить тѣ противодѣйствующія силы, которымъ выгодно удерживать иной порядокъ вещей. Слѣдовательно вопросъ не въ томъ, своевременно ли говорить у насъ о женской эманципаціи какъ понимаютъ ее народы высшей умственной культуры—а въ томъ, насколько русское общество способно сгладить и удалить тѣ препятствія, которыя стоятъ на пути осуществленія этой великой практической цѣли современнаго поколѣнія.

Такимъ образомъ задача, въ послѣднемъ ея результатѣ, сводится къ тому, выгодно ли намъ поставить женщину въ независимое положеніе, т. е. изъ простой кормилицы сдѣлать настоящую мать, изъ домашней служанки — свободного члена семьи, изъ гаремной одалиски — дѣйствительно любящую жену, изъ мертваго матеріала общества — живую и дѣятельную силу? Вотъ вопросъ, которому мы намѣрены удѣлить здѣсь нѣсколько строкъ. Очевидно, мы ограничиваемся чисто-практической его стороною, потому что дальше тѣхъ теорети-

ческихъ соображеній, которыя высказалъ Милль въ своей книгѣ, вѣроятно, еще долго никто не скажетъ ничего новаго.

Россіи поворотъ назадъ, къ ея старой азіатской неподвижности больше невозможенъ. Идеаль ея будущаго благосостоянія въ европейской цивилизаціи, а не въ восточной дряхлости, которую наши псевдо-патріоты готовы принимать за самобытность и величавое спокойствіе. Это мнѣніе враговъ, а не патріотовъ Россіи. До сихъ поръ мы дорого расплачивались за свою отсталость, и еще дороже будемъ оплачивать ее въ будущемъ, если не употребимъ всѣхъ усилій и средствъ встать на одинаковый уровень съ образованными націями. / Къ этому стремились всѣ лучшіе выразители русскаго интеллекта, всѣ честные и умные люди въ литературѣ и административной дѣятельности. Но если это именно тотъ путь, который неизбежно лежитъ передъ нами, то чѣмъ скорѣе и легче мы пройдемъ его, тѣмъ лучше для насъ. А чтобы пройти его скоро и легко, для этого общество должно выработать въ себѣ какъ можно болѣе дѣятельныхъ силъ, полезныхъ дѣлу прогресса, живыхъ, энергическихъ и свободныхъ. Мы думаемъ, что незави-

синая русская женщина, допущенная, на одинаковыхъ правахъ съ мужчиною, во всѣхъ отрасляхъ общественнаго труда, оказала бы намъ въ этомъ отношеніи великую услугу. Она удвоила бы сумму нашей дѣятельности, такъ какъ цѣлая половина населенія была бы выведена изъ своего пассивнаго бездѣйствія. А удвоить наши настоящія силы, — значитъ на половину сократить тотъ путь предстоящаго намъ развитія, которымъ мы еле тащимся теперь. На основаніи математической вѣроятности, при удвоенныхъ силахъ и энергіи, двѣсти лѣтъ народной дѣятельности, при тѣхъ же социальныхъ условіяхъ, сократились бы во сто лѣтъ, а это громадная экономія времени и труда для отсталаго общества. Кромѣ того, мы убѣждены, что не только количество дѣятельныхъ силъ увеличилось бы, но улучшилось бы и самое качество дѣятельности. Каждый изъ насъ по собственному опыту знаетъ, какое сильное вліяніе оказываетъ мать на своихъ дѣтей. При настоящемъ воспитаніи русской женщины, приготовляемой исключительно для удовольствія ея будущаго обладателя, это вліяніе если не ничтожно, то положительно вредно. Чего можно ожидать въ дѣлѣ воспитанія отъ безхарактерна-

го и подневольнаго существа, неимѣющаго ни своей воли, ни общественнаго положенія, ни цѣли въ жизни, — существа вполне поглощеннаго во всемъ преобладающею личностію мужа? Такая мать можетъ воспитать такого же безхарактернаго и пустого человѣка. ! Кругомъ насъ раздаются постоянныя жалобы на недостатокъ людей активнаго характера, энергическихъ и твердыхъ въ житейской борьбѣ; но откуда же они возьмутся, || если первые уроки домашняго воспитанія представляютъ юношѣ постоянныя примѣры жалкаго безсилія съ одной стороны и грубаго, ничѣмъ необузданнаго самодурства — съ другой? Надо удивляться не тому, что наше юношество плохо, а тому, что оно еще не такъ плохо, какъ слѣдовало бы ожидать отъ его домашней и школьной дисциплины. Въ семействѣ съ молокомъ матери ребенокъ всасываетъ рабскія чувства страха и безгласной покорности, въ школѣ набиваютъ его голову протухлой латынью, — и послѣ этого хотятъ видѣть въ немъ умнаго и энергическаго члена общества. Гдѣ же тутъ хоть капля логики? Поэтому роль матери въ воспитаніи своихъ дѣтей до сихъ поръ чисто-отрицательная; силою своей материнской любви [она можетъ, при

лучшихъ условіяхъ семейнаго быта, парализовать вредныя вліянія окружающей обстановки, но возбуждающаго стимула и положительныхъ правилъ для развитія она не можетъ дать никакихъ. Да и гдѣ взять ихъ безличному и безправному существу, у котораго отнять всякій доступъ къ общественной дѣятельности и къ самостоятельному труду, который только одинъ можетъ дать и характеръ и увѣренность въ своихъ силахъ. Такимъ образомъ мы убѣждены, что всѣ попытки педагогики организовать лучшую систему воспитанія останутся совершенно напрасными до тѣхъ поръ, пока соціальное положеніе женщины не освободится отъ тѣхъ искусственныхъ оковъ, въ которыхъ замираютъ всѣ лучшіе инстинкты женской природы.

Точно такое же вліяніе оказываетъ женщина на всю общественную жизнь. Мы не думаемъ, чтобы она была по самой природѣ консервативна—это значило бы клеветать вообще на человѣческую натуру, но настоящее ея положеніе невольно дѣлаетъ ее сторонницею застоя и неподвижности. Заключенная въ сферу узкой семейной жизни, съ ея мелкими, анти-соціальными заботами, съ ея дразгами, неизбежными при всякомъ стѣсненномъ

положеніи, она не видитъ передъ собою другихъ интересовъ, кромѣ домашнихъ, другихъ стремленій, кромѣ личнаго благосостоянія. Вся жизнь ея, всѣ ея надежды и вѣрованія вращаются около одного домашнего очага. Внѣ его существованіе ея не имѣетъ смысла; обществу она не нужна, общественная дѣятельность для нея закрыта. Какія же соціальныя чувства и стремленія могутъ быть свойственны этой невольницѣ обширнаго, житейскаго гарема? Что за дѣло ей до того, что происходитъ внѣ отведенныхъ ей границъ болѣе или менѣе удобной тюрьмы? Какимъ образомъ она можетъ понимать и сочувствовать высшимъ общественнымъ интересамъ, когда никто не говоритъ ей о нихъ и когда она сама рѣшается познакомиться съ ними, ее осаживаютъ извѣстнымъ правоученіемъ: „не суйся не въ свою тарелку—твое дѣло бабье!“ Понятно, что при такомъ отчужденіи отъ общественныхъ интересовъ и стремленій женщина не можетъ быть сторонницей прогрессивныхъ идей, и обвинять ее въ этомъ—это значило бы обвинять мертвое тѣло въ томъ, почему оно тянется внизъ, а не летитъ вверхъ. Прогрессъ требуетъ непрерывной смѣны идей и формъ общественнаго быта; отъ одного улучшенія онъ

переходить къ другому, постоянно реформируетъ и обновляетъ, отсѣвая засохшія вѣтви соціального дерева и приживая свѣжія. Это въ высшей степени творческая сила, ежеминутно разрушающая и созидающая. Но все, чѣмъ дышетъ и живетъ современная женщина, прямо противоположно этому порядку вещей. Она боится переменъ, она только и думаетъ о сохраненіи своего семейнаго *status quo*; ея роль строго-консервативная и влекущая назадъ, а не впередъ. Поэтому и вліяніе ея отражается на близкихъ къ ней людяхъ въ этомъ направленіи. Она сдерживаетъ слишкомъ смѣлые порывы мужа, какъ общественнаго дѣятеля, она боится потерять въ немъ свою единственную опору; она передаетъ дѣтямъ это безповойное чувство страха за личное благополучіе и съ раннихъ лѣтъ убиваетъ въ немъ благородныя стремленія къ высшимъ человѣческимъ цѣлямъ. Для насъ, и безъ того неспособныхъ выдерживать послѣдовательно прогрессивное движеніе, страдающихъ постоянно беззастѣнчивою всякой реформы, всякаго возмущенія на измѣненіе отжившихъ учрежденій, — для насъ задерживающая сила женщины вдвойнѣ вредна. Она увеличиваетъ нашу косность, и трудно представить, на какое громадное разстоя-